

помещиком в стране. Муквайя указывает, что сдача земли в аренду препятствует рационализации сельского хозяйства, неизбежно приводя к истощению почв. Постоянное увеличение ренты не дает арендатору возможности улучшить ведение хозяйства. Наследственная аренда затрудняет переход к новым формам использования земли. Выступая за переход земли к мелким собственникам, автор указывает на опасность наличия в стране большого числа безземельных крестьян. Он кончает свою книгу предупреждением, что земельная проблема может вскоре снова стать причиной серьезных социальных волнений.

Исследование А. Муквайя лишь намечает основные проблемы, а данные, которыми он пользуется, относятся только к двум округам Буганды. Но несмотря на неполноту книги, она все же вносит много нового по сравнению с более ранними исследованиями *Л. Мэйр* и *С. Мика*¹².

*
*

В колониальном отчете за 1955—1956 гг. об исследованиях, проводящихся в британских колониях, даются сведения о перспективах работы Института социальных исследований. Институт составлен шестилетний план, в который включено изучение 29 народностей и племен Восточной Африки. Намечено прежде всего изучение народностей банту: в Уганде — баганда, басога, ваторо, баньоро, бвамба, багишу, в Танганьике — баха и базинза. Во вторую очередь предполагается изучение банту Кении — группы Кавирондо, тирики, ванга, и в Танганьике — джагга, иракв, бараван (татор), мбугве. Намечается также широкая программа по изучению нилотов Уганды — алур, ачол, лубара, данго — и нилотов Кении, прежде всего группы луо.

Кроме того, институт продолжает изучение проблемы урбанизации. Предстоит социальное обследование населения Кампалы, по-видимому, более углубленное, чем это было сделано в первых работах института. Продолжается изучение проблемы формирования рабочего класса, начатое рядом исследователей¹³. В тематику работ института включены также работы, посвященные изучению религии¹⁴, исследования на исторические темы¹⁵.

Основными чертами работ Восточно-Африканского института социальных исследований являются: во-первых, соединение научных целей с практическими задачами колониальной политики; во-вторых, сближение направлений работ этнографов, социологов и экономистов; третью черту составляет самый подход к явлениям общественной жизни, которая изучается в ее динамике. Английские этнографы и социологи стремятся ставить вопросы о том, что произошло за 50 лет колониального господства, как изменился прежний уклад общества, какие новые формы социальной и политической организации возникли в колониях.

Е. Таланова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Океанийский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXXVIII, М., 1957, 252 стр.

Советская океанистика недавно обогатилась новым изданием: вышел в свет первый «Океанийский этнографический сборник». В нем помещены четыре работы: *А. И. Блинова* «Маорийские войны (1843—1872 гг.)», *Н. А. Бутинова* «Маори (Историко-этнографический очерк)», *Е. М. Мелетинского* «Мифологический и сказочный эпос меланезийцев (По материалам фольклора гуантунуна)» и *В. М. Бахта* «Производительные силы папуасов залива Астролябия». Как видно из этого перечня, в сборнике освещены самые разнообразные проблемы океанистики.

Изучение самобытной культуры маори, истории их героического сопротивления колонизаторам, равно как современного положения этой народности представляет значительный научный и общественный интерес. Между тем в советской этнографической литературе до сих пор не было ни одного специального исследования, посвященного

¹² *L. Mair*, *Native Land Tenure in East Africa*, «Africa», 1931, т. IV, № 3; т. VI, № 2; ее же, *Modern Development in African Land Tenure*, «Africa», 1948, № 3; *C. K. Meek*, *Land Law and customs in the Colonies*, London, 1949.

¹³ *P. H. Gulliver*, *Labour Migration in a Rural Economy: a Study of the Ngoni and Ndendeuli of Southern Tanganyika*, Kampala, 1956, «East-African Studies», № 6; *Ph. Powesland*, *Economic Policy and Labour in Uganda* (in Press).

¹⁴ *D. A. Low*, *Religion and Society in Buganda*, Kampala, 1956, «East-African Studies», № 8.

¹⁵ *V. C. R. Ford*, *The Trade of Lake Victoria*, Kampala, 1955, «East-African Studies», № 3; *D. A. Low and R. C. Pratt*, *Constitution and Politics in Buganda, 1900—1955* (in Press).

маори. Работы А. И. Блинова и Н. А. Бутинова, опубликованные в рецензируемом сборнике, в известной мере восполняют этот пробел.

В первой из указанных работ подробно рассказывается о многолетней вооруженной борьбе коренного населения Новой Зеландии против английских колонизаторов.

В отличие от зарубежных исследователей, относящих к Маорийским войнам лишь военные действия 1860—1872 гг., А. И. Блинов считает начальным этапом этих войн события 1843—1848 гг., когда произошли первые крупные вооруженные столкновения между маори и чужеземными пришельцами. Автор правильно указывает, что описываемые им кровавые события явились следствием аграрной политики колонизаторов, направленной на лишение маори большей и лучшей части их земель (стр. 57, 84).

В работе хорошо показаны беззаветное мужество и героизм маорийских воинов, стариков, женщин и детей, отмечена талантливость таких их предводителей, как Хоне Хеке, Кавити, Те Ревы Маниапо, Титоквару и Те Кооти, приведены интересные данные о маорийской фортификационной технике. Большое впечатление производит рассказ об обороне отрядом маори па (укрепленного поселения) Оракау (стр. 51—54). Как известно, англичане сравнивали этот драматический эпизод с защитой Фермопил спартанцами.

Маорийские войны закончились победой английских колонизаторов. Но, как справедливо указывается в статье А. И. Блинова, огромные жертвы, понесенные в этих войнах маорийскими племенами, все же не были напрасными: новозеландское правительство оказалось вынужденным пойти на уступки побежденным (стр. 85—86).

Значительный интерес представляют те страницы работы, где говорится о религиозных движениях паи-марире и ваируа-тапу, явившихся идейным знаменем маори в их борьбе за сохранение своих земель, за свободу и независимость. Автор рассказывает об условиях возникновения этих сектантских учений, показывает, что они представляли собой причудливое смешение своеобразно понятых догматов христианства и старинных маорийских верований, подчеркивает их боевой национально-освободительный характер (стр. 57—60, 65, 72—73). Заслуживает одобрения попытка дать хотя бы краткую характеристику маорийского межплеменного объединения, так называемой «Страны короля» (стр. 33—36), история которой еще ждет своего исследователя.

Отмечая достоинства работы А. И. Блинова, нельзя вместе с тем умолчать о том, что она явно перегружена описаниями военных действий в ущерб анализу социально-экономической подоплеку Маорийских войн. Автор прослеживает ход даже мелких военных операций, сообщает много несущественных деталей, но не всегда заглядывает за кулисы описываемых событий.

Так, в статье ни слова не говорится о важных изменениях в экономике пакеха (английских колонистов в Новой Зеландии), связанных с мировым экономическим кризисом 1875 г. Резкое падение цен на продукты земледелия при незначительном изменении цен на шерсть побудило тогда большую часть тех колонистов, которые в предыдущие годы занимались хлебопашеством и огородничеством, перейти к массовому разведению овец¹. Но для пастбищного скотоводства требовались огромные земельные массивы, «освобожденные» от маори. Именно поэтому с конца 1850-х гг. резко усилилось расхищение маорийских земель, что и привело к войнам 1860—1872 гг.

Фактический материал, имеющийся в работах зарубежных исследователей, позволял, на наш взгляд, значительно нагляднее и полнее разоблачить коварные методы, к которым прибегали английские колонизаторы в Новой Зеландии. В частности, целесообразно было бы несколько подробнее рассказать о пресловутой «покупке в Ваитара», послужившей поводом для войны в Таранаки. Следовало бы также показать, что губернатор Грей и новозеландские министры сознательно спровоцировали в 1863 г. войну со «Страной короля», чтобы получить желанный предлог для осуществления задуманной ими массовой конфискации маорийских земель.

До последнего времени во всех работах по истории Новой Зеландии сообщалось о том, что в 1854 г. вождями ряда племен была создана «Земельная лига», которая стремилась воспрепятствовать скупке маорийских земель англичанами. Эта точка зрения нашла свое отражение в статье А. И. Блинова, а также в работе Н. А. Бутинова, помещенной в рецензируемом сборнике (стр. 32, 138). Как показали недавние исследования новозеландских историков, такой лиги в действительности не существовало. Слух о создании этой тайной «мятежной» организации был пущен в 1855 г. одной из газет колонистов. В 1860 г. он был подхвачен новозеландским правительством, чтобы оправдать военные операции против племен Таранаки².

Подводя итоги своего исследования, А. И. Блинов указывает, что главные причины военного поражения маори заключались в «отсутствии необходимых предпосылок» для их прочного объединения и в «естественной на той стадии общественного развития, на которой находились маорийцы», вражде между отдельными племенами, использованной англичанами (стр. 85). Читателю приходится принимать эти правильные выво-

¹ C. G. F. Simkin, *The Instability of a Dependent Economy*, Oxford, 1951, стр. 122.

² K. Sinclair, *The Maori Land League*, Auckland, 1950, passim; его же, *The Origins of the Maori Wars*, Wellington, 1957, стр. 70—72, 214—216; J. B. Condliffe and W. T. G. Airey, *A Short History of New Zealand*, Auckland, 1954, стр. 91. Рецензия Н. А. Бутинова на последние две книги опубликована в журнале «Советская этнография», 1958, № 4.

ды в значительной мере на веру, ибо в статье отсутствует даже краткая характеристика уровня общественного развития коренного населения Новой Зеландии накануне Маорийских войн. Жаль также, что автор почти не показал влияния этих войн на хозяйство, культуру и быт маори, ибо такого рода вопросы представляют особый интерес для этнографов. В работе встречаются фактические неточности. Так, маорийский вождь Хонги Хика умер не в 1826 г., как сообщается на стр. 5, а двумя годами позже³. Законодательные советы, предусмотренные конституционным актом 1846 г.⁴, почему-то названы «исполнительными комитетами» (стр. 30).

В исследовании Н. А. Бутинова прослеживаются пути исторического развития маори от заселения ими Новой Зеландии до наших дней, причем наибольшее внимание уделяется проблеме формирования маорийской народности. Заслугой Н. А. Бутинова является удачное сочетание этнографических материалов с фактами экономической и политической истории. Работа снабжена историографическим введением, в котором характеризуются основные этапы этнографического изучения маори, дается оценка трудов ряда буржуазных исследователей.

В первой главе автор рассказывает о различных сторонах жизни маори в конце XVIII — начале XIX в. Читатель знакомится здесь с расселением маорийских племен, их хозяйством и материальной культурой, получает представление о существовавших у маори общественных отношениях. Н. А. Бутинов указывает, что в этот период коренное население Новой Зеландии еще не составляло единого этнического целого, но уже существовали предпосылки для формирования маорийской народности (стр. 115—117).

Хорошо показано, как обособившаяся племенная знать использовала первобытно-общинные институты и обычаи для упрочения своего господства над рядовыми островитянами, как эти институты и обычаи постепенно приобретали новое, классовое содержание. Некоторые сомнения вызывает лишь тезис об использовании вождями в своих классовых интересах двойственного характера маорийской системы родства (стр. 112—113). Это интересное положение не подкреплено здесь конкретными фактами и нуждается, на наш взгляд, в более углубленном теоретическом обосновании.

В истории маори после прибытия европейцев автор выделяет три периода: «Первый период — переход маори к товарному хозяйству (первая половина XIX в.). Второй период — обезземеление маори (вторая половина XIX в.). Третий период — младомаорийское движение (конец XIX — первая треть XX в.)» (стр. 117—118). Такая периодизация представляется убедительной. Но было бы желательно несколько уточнить вышеприведенные формулировки. В самом деле, в первой половине XIX в. лишь начинался переход маори к товарному хозяйству (товарные отношения играли значительную роль только в экономике прибрежных племен); младомаорийское движение явилось важной, но не определяющей чертой третьего периода. Нам представляется возможным сформулировать основное содержание указанных трех периодов следующим образом: 1) проникновение в хозяйство маори товарных отношений, 2) расхищение маорийских земель (так самим автором названа соответствующая глава), 3) включение маори в капиталистическую экономику и возникновение единой маорийской народности.

В главе, посвященной первому периоду, автор наиболее подробно останавливается на двух вопросах: быстром усвоении маори европейской культуры и том большом вкладе, который внесли коренные жители в дело экономического развития страны, в строительство городов, дорог, мостов и т. д. «В условиях жестокой капиталистической эксплуатации», — пишет Н. А. Бутинов, — маори рядом с рабочими пакеха строили города, поселки, дороги, обрабатывали землю, пасли скот, закладывали основы той Новой Зеландии, которая существует сейчас» (стр. 131). Данный вывод автора, подкрепленный фактическим материалом, представляет значительный интерес, ибо буржуазные исследователи обычно оставляют в тени эту сторону новозеландской истории.

В главе о втором периоде автор описывает расхищение маорийских земель, которое привело к кровопролитным войнам и еще более усилилось по окончании этих войн. Убедительно разоблачается деятельность созданных в 1865 г. «земельных судов», основной задачей которых было «мирное» и «законное» отделение аборигенов от принадлежащих им земель. Автор показывает, в сколь бедственном положении оказались в конце XIX в. вымиравшее маорийское население в результате военных поражений и потери лучших земель.

Н. А. Бутинов обоснованно критикует тех буржуазных историков и этнографов, которые, объявив «кроковыми» для маори десятилетия, предшествовавшие официально провозглашению в 1840 г. Новой Зеландии британской колонией, пытаются таким путем обелить политику английских властей во второй период, еще более трагичный для коренного населения. Но, решительно выступая против этих ложных утверждений, автор, как нам кажется, несколько увлекся и в результате преувеличил действительные отрицательные последствия общения маори с пакеха в первой половине XIX в. Ввоз в Новую Зеландию огнестрельного оружия и разжигание межплеменных войн,

³ Ф. Кристман и С. Оберлэндер, Новая Зеландия и остальные острова Южного океана, т. 1, СПб., 1872, стр. 64.

⁴ W. P. Morrell, British Colonial Policy in the Age of Peel and Russell, Oxford, 1930, стр. 314.

унесших десятки тысяч человеческих жизней, распространение венерических и иных болезней, внедрение спиртных напитков, грабежи и бесчинства европейских моряков и поселенцев, включая беглых каторжников из Австралии, — обо всех этих и других «благодеяниях» носителей «западной цивилизации», относящихся к первому периоду, автор сообщает очень кратко, делая главный упор на положительные результаты оздоровления маори с европейской материальной культурой. Согласно данным, приведенным в рецензируемой работе, в конце XVIII в. численность маори достигала 200—300 тысяч человек; к 1848 г. в Новой Зеландии осталось около 107 тысяч коренных жителей (стр. 95, 134). Эти цифры, какими бы они ни были приблизительными, убедительно свидетельствуют о том, что, разоблачая политику колонизаторов во второй половине XIX в., нельзя ни в коей мере недооценивать их губительного воздействия на маори в предыдущий период.

Говоря о третьем периоде в истории маори, автор, как и в предыдущих главах, тесно увязывает ее с историей пакеха. В 90-х гг. XIX в. в экономической и политической жизни Новой Зеландии произошли значительные изменения, которые были связаны с переходом к мясо-молочному скотоводству и приходом к власти либеральной партии, выражавшей интересы мелких и средних фермеров. Давая характеристику буржуазно-реформистского аграрного законодательства 1890-х гг., нанесшего сильный удар по крупным землевладельцам-овцеводам и приведшего к быстрому увеличению числа мелких ферм, автор показывает, что эти законы косвенно оказали большое влияние на маори, способствовав вовлечению их в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих в капиталистическое производство.

Весьма удачными представляются нам те страницы работы Н. А. Бутинова, которые посвящены деятельности младомаорийской партии (стр. 143—151). Автор вскрывает экономическую основу этого движения, указывая, что обуржуазившаяся племенная верхушка добивалась предоставления ей государством такой же финансовой поддержки, какую с конца XIX в. получали фермеры-пакеха, чтобы самой использовать и оставшуюся еще у маори землю, и маорийскую рабочую силу. В работе прослеживается история младомаорийского движения, убедительно показывается суть проводившейся по инициативе его лидеров политики «инкорпорации» общинных земель «В результате инкорпорации, — пишет автор, — племенная знать превратилась в буржуазию, а рядовые общинники — в пролетариат» (стр. 144). После многолетней борьбы лидерам младомаорийского движения удалось наконец в 1929 г. добиться принятия закона о государственном кредитовании маорийских «инкорпорированных» хозяйств. Тем самым, как указывает автор, был сделан решающий шаг по пути включения маори в капиталистическую экономику.

Сосредоточив основное внимание на анализе экономической политики младомаорийской партии, автор не упускает в то же время из виду ее просветительной деятельности, отмечает ее усилия, направленные на сохранение и возрождение самобытной маорийской культуры. «Историческая заслуга младомаорийского движения, — пишет Н. А. Бутинов, — состоит в том, что оно содействовало объединению разрозненных частей маорийского населения, ускорило процесс формирования маорийской народности» (стр. 151).

Отметим две неточности, допущенные при изложении событий третьего периода. В работе указывается, что младомаорийская партия добивалась распространения на коренное население действия «земельного закона 1892 г.» (стр. 121, 146). Очевидно, автор имел в виду закон о предоставлении фермерам-пакеха долгосрочных государственных ссуд (Advances to Settlers Act), принятый в 1894 г. На стр. 147 сообщается, что в 1912 г. «младомаорийская партия создала ссудный банк (Native Trust Office)». В действительности указанное ведомство было учреждено парламентом в 1920 г. для «опеки» над имуществами маори. В частности, оно управляло некоторыми маорийскими землями, сдавая их в аренду пакеха от имени владельцев. Выдача маорийским хозяйствам государственных ссуд была поручена этому ведомству в 1929 г., после издания соответствующего закона⁵.

Специальная глава исследования Н. А. Бутинова посвящена современному положению маори. Автор приводит подробные данные об их нынешнем расселении по стране, знакомит читателей с тяжелыми условиями жизни маорийской сельской бедноты и городского пролетариата, сообщает о практикующейся по отношению к ним расовой дискриминации. Когда новозеландская официальная пресса заявляет, что маори в настоящее время живут в хороших условиях, что они не подвергаются дискриминации, то, как указывает автор, это фактически относится только к маорийской буржуазии (стр. 151—159).

В работе Н. А. Бутинова подвергаются убедительной научной критике две ошибочные точки зрения на современных маори, встречающиеся в зарубежной этнографической литературе. Одна из них заключается в том, что будто бы существуют отдельные маорийские племена, по культуре резко отличные от пакеха (мнение наиболее реакционных представителей маорийской знати), другая сводится к тому, что имеется лишь еще не полностью ассимилированное маорийское население (так утверждает часть англо-новозеландских буржуазных политиков и ученых). Выводы Н. А. Бутинова сводятся к следующему: современные маори составляют единое, самостоятельное

⁵ «The New Zealand Official Year-Book, 1934», Wellington, 1934, стр. 316.

этническое целое; сохранились лишь остатки племенного строя, его пережитки, которые играют отрицательную роль в жизни коренного населения; неправильно выдавать указанные пережитки за национальные черты маори и на этом основании говорить о «пропасти», якобы отделяющей их от пакеха; в то же время у маори есть своя, и притом богатая, самобытная культура (стр. 159—173). По мнению автора, процесс формирования единой маорийской народности, замедленный трагическими событиями второго периода, в основном завершился во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. (стр. 164).

Хочется выразить надежду, что Н. А. Бутинов продолжит работу по изучению современного положения маори и в частности обратит большее внимание на жизнь коренного населения, переселившегося в города. Острая нехватка земли все чаще и чаще вынуждает маори искать работы в городах. В 1956 г., по официальным данным, там проживало свыше 24% коренных жителей⁶. Как указывал в апреле 1957 г. генеральный секретарь компартии Новой Зеландии В. Уилкоккс, процесс урбанизации маори создает много новых важных проблем⁷.

В статье В. М. Бахты рассказывается о производительных силах папуасов залива Астралабия. Автор проделал полезную работу, собрав воедино фактические данные о хозяйстве и материальной культуре астралабцев, содержащиеся в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, Б. Хагена, О. Финша и некоторых других путешественников и исследователей. Не полны лишь сведения о распространении гончарства, которым, как утверждает В. М. Бахта, занимались только обитатели двух маленьких островов (стр. 237). «Маклай,— указывает А. Б. Пиотровский,— обнаружил производство глиняной посуды только на двух островах залива — Били-Били и Ямбомба; позднейшие исследователи нашли его еще в четырех горных деревнях»⁸.

Большое внимание в рецензируемой статье уделяется рассмотрению различных форм простой кооперации труда, игравшей важную роль в производственной деятельности папуасов залива Астралабия. Автор справедливо отмечает, что простая кооперация была наиболее развита в земледелии и судостроении, но отсутствовала в производстве орудий труда. Эта ключевая отрасль общественного производства у астралабцев отставала в своем развитии от других отраслей (стр. 223, 229, 244, 245).

Отличительной чертой статьи В. М. Бахты является тенденция к широкому обобщениям. Внимание автора к теоретическим вопросам, как и попытку творческого к ним подхода, разумеется, можно только приветствовать. Но, к сожалению, далеко не все выдвинутые им положения представляются убедительными.

В начале статьи В. М. Бахта сообщает, что он избрал такой порядок исследования, при котором «последовательно рассматриваются: а) производительные силы в сфере производства средств производства (здесь особо выделены производительные силы, занятые в сфере производства орудий производства) и б) производительные силы в сфере производства средств (предметов?— Д. Т.) потребления» (стр. 214). Как известно, важнейшей производительной силой являются люди, производящие материальные блага. У папуасов залива Астралабия в силу неразвитости производительных сил и почти полного отсутствия общественного разделения труда одни и те же лица изготовляли орудия труда, обрабатывали землю, ловили рыбу и т. д., т. е. были заняты как в сфере производства средств производства, так и в сфере производства предметов потребления. Ввиду этого нам представляется искусственным деление производительных сил астралабцев на две самостоятельные группы. Такое деление, на наш взгляд, может быть применимо лишь в отношении формаций с далеко зашедшим общественным разделением труда.

«По своему производственно-экономическому содержанию,— читаем мы на стр. 223,— цикл земледельческих работ распадается на две стадии: на обработку земли (производство средств производства) и на выращивание сельскохозяйственных культур (производство средств потребления)». В соответствии с принятым автором порядком исследования эти стадии рассматриваются в различных разделах статьи. С такой трактовкой земледелия никак нельзя согласиться. Во-первых, обработка земли продолжается и на второй стадии (окучивание, прополка и т. д.). Во-вторых, вряд ли можно относить к различным сферам общественного производства две составные части единого производственного процесса. В-третьих, правильнее всего судить об этом процессе по получаемому продукту. Но последний может относиться как к предметам потребления (продовольствие), так и к средствам производства (промышленное или ремесленное сырье).

У папуасов залива Астралабия наблюдался обычай — при убое свиньи или собаки угощать мясом всех мужчин деревни или посылать его в подарок жителям соседнего селения. Ссылаясь на этот обычай, автор считает возможным говорить о «существовании у астралабцев коллективной собственности на домашних животных» (стр. 246—

⁶ «The New Zealand Official Year-Book, 1957», Wellington, 1957, стр. 60.

⁷ V. Wilcox, Reply to discussion, «New Zealand Labour Review», т. XI, № 5, May, 1957, стр. 27—28.

⁸ А. Н. Пиотровский, Культура папуасов залива Астралабия по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая, «Изв. государственного географического об-ва», т. LXXI, вып. 1—2. 1939, стр. 174; B. Hagen, Unter den Papua's, Wiesbaden, 1899, стр. 182—183, 218; M. Schurig, Die Südseetöpferei, Leipzig, 1930, стр. 18—19.

247). На наш взгляд, данный обычай объяснялся прежде всего невозможностью хранить мясо в условиях жаркого и сырого климата (сколько-нибудь надежные способы консервации мяса астрояльцам не были известны); эта коллизия разрешалась методами, присущими первобытно-общинному строю. Папуасы, по-видимому, довольно свободно распоряжались принадлежащими им свиньями и собаками, ибо дарили их туши Н. Н. Миклухо-Маклаю или приносили последние ему для обмена⁹. Поэтому вряд ли есть основания оспаривать правильность наблюдений путешественников, которые, как указывает сам автор, обнаружили у астрояльцев личную собственность на домашних животных.

В последнем, обобщающем разделе статьи автор переоценивает уровень развития производительных сил астрояльцев, а также удельный вес обмена в местной экономике (стр. 250—251). Ведь сколько-нибудь значительное производство для обмена было замечено лишь на двух-трех прибрежных островках, где существовали особые условия¹⁰. Следует отметить, что на стр. 244 содержится несколько иная, более правильная точка зрения по этим вопросам.

В заключение статьи автор пишет о сравнительной непродолжительности рабочего дня астрояльцев, на «длительность времени, отводимого на сон», а также на то, что обитатели данного района тратили много времени на туалет, различные праздники и т. д. (стр. 251). Следует подчеркнуть, что такой взгляд на жизнь астрояльцев далек от действительности. Н. Н. Миклухо-Маклай в «Этнологических заметках о папуасах берега Маклая на Новой Гвинее» неоднократно упоминает о тяжелом, зачастую непосильном гряде астрояльских женщин, вызывающем их преждевременную старость¹¹. Что касается местных мужчин, то изнурительные работы по расчистке и обработке плантаций сменялись у них кратковременными периодами относительно затишья, за которыми всякий раз следовала новая страда, ибо подготовка новых огородов производилась в течение всего года. Кроме того, мужчины занимались изготовлением и ремонтом орудий труда, строительством хижин и охотой, участвовали в приготовлении пищи, а те из них, которые жили у моря, строили суда и часто выходили как днем, так и в ночное время на рыбную ловлю¹². Многочисленные факты, сообщаемые путешественниками, убедительно свидетельствуют о том, что у папуасов залива Астроялия, как и у других первобытных народов, жизнь проходила под знаком суровой борьбы за существование.

Четвертая работа, помещенная в рецензируемом сборнике, принадлежит перу Е. М. Мелетинского. В ней рассматривается весьма мало изученный у нас мифологический и сказочный эпос меланезийцев, причем за основу берется фольклор гуантуна, обитающих на северо-восточном побережье полуострова Газель (Новая Британия) и на близлежащем островке Вуатом (Ватом). Автор предпосылает своему исследованию краткую характеристику социальных отношений у гуантуна, а также сообщает некоторые сведения об их религиозных верованиях. В статье содержится сравнительный материал по другим архипелагам Меланезии, преимущественно по острову Мота (о-ва Банка), но этот материал, к сожалению, весьма невелик.

В фольклоре гуантуна автор выделяет три основные части: мифы о «культурных героях», мифологические рассказы о духах и сказки о бедном сиротке. Кроме того, в статье сообщается о наличии в народном творчестве гуантуна и других видов эпического повествования, например «былей», лишенных чудесного элемента, и кратких анекдотов (стр. 195—198).

Этнологические мифы о «культурных героях», братьях То Кабинана и То Карву-бу — важнейшая и древнейшая часть фольклора гуантуна. Автор согласен с мнением А. М. Золотарева о генетической связи этих мифов с дуально-родовой организацией общества (стр. 187, 212). Как полагает Е. М. Мелетинский, мифы о «культурных героях» утратили у гуантуна свое магическое значение и не играют сколько-нибудь значительной роли в обрядовой жизни. Отсюда следует вывод о том, что данные мифы «находятся на пути перерождения в волшебную сказку» (стр. 188).

Анализируя мифологические рассказы о духах, автор отмечает наличие в них множества реалистических деталей. «Большинство этих рассказов, — пишет Е. М. Мелетинский, — является мифами-быличками, часто очень недавно возникшими и представляющими собой первую ступень обработки реальных событий и происшествий с помощью народной фантазии» (стр. 212). В статье сообщается, что создание таких мифов-быличек продолжается и поныне (стр. 194).

Наибольший интерес представляет тот раздел рецензируемой статьи, в котором рассматриваются сказки о бедном сиротке (стр. 198—212); автор справедливо называет их жемчужиной меланезийского фольклора. Если в мифах о «культурных героях» и в мифологических рассказах о духах жизнь людей отражается в их отношении к природе, интерпретируемой в духе первобытно-религиозных представлений, то в сказ-

⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собрание сочинений*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 205—206, 211—212.

¹⁰ А. Б. Пиотровский, *Указ. раб.*, стр. 178—179.

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собрание сочинений*, т. III, ч. I, М.—Л., 1951, стр. 42, 46, 77.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собрание сочинений*, т. I, стр. 147—148, 216, 219—220, 270; т. III, ч. I, стр. 77—80; В. Неген, *Указ. раб.*, стр. 200, 224.

ках о бедном сиротке возникает тема социально-обездоленного человека, т. е. непосредственно выражается социальная коллизия. Эти сказки представляют шаг вперед и в художественном отношении. Как указывается в статье, тема обездоленного сиротки является тем основным стержнем, вокруг которого идет у гуантуна процесс формирования жанра волшебной сказки.

По мнению Е. М. Мелетинского, в сказках о бедном сиротке отражен процесс разложения материнского рода в связи с общим распадом родового строя; сироты, т. е. лица, оказавшиеся вне семьи, обездолены в силу вытеснения родовых связей семейными; фольклор гуантуна дает нравственную оценку положения сиротки с точки зрения первобытно-общинных принципов (стр. 202—206). Эта концепция представляется нам в целом убедительной. Она, по-видимому, подтверждается фольклорным материалом, собранным Кодрингтоном на острове Мота, где процесс социальной дифференциации и ослабления родовых связей зашел значительно дальше, чем у обитателей полуострова Газель (стр. 208—211). Следует, однако, сказать, что некоторые выводы автора о социальной подоплеке сказок гуантуна, пожалуй, излишне категоричны, ибо ни общественные отношения у последних, ни их этническая история не могут считаться вполне изученными¹³.

В статье Е. М. Мелетинского встречаются фактические погрешности. Так, на стр. 192 автор рассказывает о том, что в одном из мифов человек крадет у духов арфу. Это сообщение вызывает удивление, ибо известно, что у меланезийцев такой музыкальный инструмент отсутствует. Обратившись к использованному автором источнику, можно установить, что в указанном мифе речь идет о варгане (*Maultrommel, Mundharfe*), изготовленном из бамбука¹⁴. Автор сообщает о существовании у гуантуна трех мужских союзов — Иниет, Дук-дук и Тубуан. В действительности лица, владевшие маской «Тубуан», не составляли отдельного сообщества, а были неразрывно связаны с союзом Дук-дук, в котором обычно играли руководящую роль¹⁵.

Выводы, полученные в результате научного анализа записей фольклора гуантуна, автор склонен распространить на меланезийский фольклор в целом. Не являются ли столь широкие обобщения несколько рискованными? Достаточно сказать, что этиологические мифы, составляющие, по-видимому, большинство в меланезийской мифологии, отнюдь не сводятся к рассказам о «культурных героях». Значение работы Е. М. Мелетинского заключается в том, что она представляет собой первый в нашей научной литературе опыт специального исследования мифологического и сказочного эпоса одного из меланезийских племен. Что же касается сравнительного изучения фольклора народов Меланезии, то оно должно стать предметом дальнейших научных изысканий.

Д. Д. Тумаркин

¹³ См. C. Laufer, *Die Verwandtschaftsverhältnisse innerhalb des Gunantuna-Stammes* (Südsee), «*Anthropos*», т. 51, Hf. 5—6, Freiburg, 1956, стр. 994—1028.

¹⁴ P. A. Kleintitschen, *Mythen und Erzählungen eines Melanesierstammes aus Paparatava, Neupommern, Südsee*, Wien, 1924, стр. 152.

¹⁵ «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 451—453; R. Parkinson, *Dreißig Jahre in der Südsee*, Stuttgart, 1907, стр. 574—593; F. Burger, *Die Küsten- und Bergvölker der Gasellehalbinsel*, Stuttgart, 1913, стр. 11—15.